

Научная статья

DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.1.01

УДК 94:314.15(436)

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ СЕЛО КЛИМОУЦЫ (АВСТРИЯ) В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

С.А. Иникова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

О СТАТЬЕ

Поступила: 21 декабря 2021 г.
Одобрена: 20 февраля 2022 г.
Принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Ключевые слова:

старообрядцы-поморцы, реэмиграция, единоверие, Климоуцы, Буковина, Россия, Министерство иностранных дел, консул Кира-Динжан, Павел Прусский

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению двух исторических событий, произошедших в старообрядческом селе Климоуцы в Австрийской Буковине в 1870–1880-е годы. Это движение беспоповцев поморского согласия за возвращение в Россию и присоединение их к православной церкви на правах единоверия. Проблема возвращения на историческую Родину всегда актуальна и стоит вне времени, ее изучение дает бесценный и всегда востребованный исторический опыт. В статье выясняются причины возникшего среди беспоповцев движения за реэмиграцию, названные ими условия переселения и встречные условия их приема и поселения в России, выдвинутые российским правительством; отношение чиновников разных ведомств к этому вопросу, прежде всего российского консула в Буковине.

Параллельно развивавшееся среди беспоповцев движение за переход в единоверие – явление уникальное для зарубежных старообрядцев. В статье исследуются все его этапы: от зарождения до создания в Климоуцах единоверческого прихода и далее – его судьба в XX – начале XXI века, роль в его возникновении миссионера о. Павла Прусского.

В основе статьи преимущественно архивные документы, извлеченные из Российского государственного исторического архива и Архива внешней политики Российской империи. Кроме этого, привлечен полевой материал, собранный автором в с. Климоуцы (Румыния) в 2017 г.

Благодаря отсутствию политических требований со стороны беспоповцев и их готовности присоединиться к православной церкви на правах единоверия конфликт между этой группой старообрядцев и российским государством был снят, а вместе с ним убраны все преграды на пути переселенцев на Родину. Причины неудачи, которой завершилась реэмиграция, автор видит в неоправданном затягивании процесса обсуждения и принятия решений российскими чиновниками и в том, что условия для переселения беспоповцев в Россию, утвержденные Комитетом министров, оказались не соответствующими ожиданиям переселенцев.

© ПНИПУ

© **Иникова Светлана Александровна** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>, e-mail: ovis2@yandex.ru.

© **Svetlana A. Inikova** – Candidate of Sciences in History, Leading Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>, e-mail: ovis2@yandex.ru.

Финансирование. Статья публикуется в соответствии с научным планом работы Института этнологии и антропологии РАН. Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. Вклад. 100 %.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

THE OLD BELIEVERS' VILLAGE KLIMOUTSI (AUSTRIA) IN THE RUSSIAN HISTORY

Svetlana A. Inikova

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 21 December 2021

Revised: 20 February 2022

Accepted: 29 April 2022

Keywords:

Old Believers-Pomortsy, re-emigration, Edinoverie, Klimoutsy, Bukovina, Russia, Ministry of Foreign Affairs, Consul Kira-Dinzhan, Pavel of Prussia

ABSTRACT

The article is devoted to the study of two historical events which took place in the Old Believers village of Klimoutsy in the Austrian Bukovina in the 1870s-1880s. This is the movement of the Bespopovtsy - Pomortsy for returning to Russia and joining them to the Orthodox Church on the rights of the Edinoverie. The problem of returning to the historical homeland is always relevant and timeless; its study provides invaluable and always in-demand historical experience. The article clarifies the causes of the movement for re-emigration among the Bespopovtsy, the conditions of resettlement put forward by them and the counter conditions of their reception and settlement in Russia put forward by the Russian government; the attitude of officials of various departments and primarily of the Russian consul in Bukovina to this problem.

Movement for the transition to the Edinoverie developed in parallel among the Bespopovtsy was a unique phenomenon for foreign Old Believers. The article explores all its stages: from its origin to the creation of the Edinoverie's parish in Klimoutsy and further – its fate in the XX - early XXI century, the role of the missionary Paul of Prussia.

The work is written mainly on archival documents extracted from the Russian State Historical Archive and the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. In addition, the field material collected by the author in the village of Klimoutsy (Romania) in 2017 has been involved.

Due to the absence of the Bespopovtsy's political demands and their willingness to join the Orthodox Church on the rights of the same faith the conflict between this group of Old Believers and the Russian state was removed, and with it, all obstacles on the way of migrants to their homeland were liquidated. The author sees the reasons for the failure which resulted in the re-emigration in the unjustified delay in the process of discussion and decision-making by Russian officials, and in the fact that the conditions for the resettlement of Bespopovtsy to Russia approved by the Committee of Ministers did not meet the expectations of the settlers.

© PNRPU

Село Климоуцы (стар. назв. Климовцы) было одним из многих старообрядческих поселений в Турции, Пруссии, Австрии, Молдавии. Здесь, в Буковине, принадлежавшей с 1775 по 1918 год Австрии (затем Румынии), на земле монастыря Путна, в 1780 году поселились две группы старообрядцев, бежавших из России от преследований за веру¹: поповцы (беглоповцы) и беспоповцы (поморцы). Именно последние оказались действующими лицами истории, в которой сошлись и тесно переплелись две, казалось бы, лежащие в разных плоскостях сюжетные линии истории: реэмиграция и единоверие.

Движение за возвращение на родину, которая для подавляющего большинства заграничных старообрядцев была известна только по рассказам родителей или дедушек с бабушками, поднимает ряд проблем, общих для всех мигрантов: как с минимальными потерями уехать и как устроиться на новом месте; и особенных, свойственных старообрядцам: как, вернувшись в Россию, в которой по-прежнему отсутствовала свобода совести, снять религиозный конфликт с государством и православной церковью. Реэмиграция старообрядцев в Россию наглядно раскрывает политику светской и духовной власти в отношении религиозных оппонентов, пожелавших вновь стать российскими подданными.

Единоверие, которое для климоуцких реэмигрантов оказалось возможным решением религиозной проблемы, – явление исключительно российское, суть его заключается в присоединении старообрядцев к греко-российской церкви на особых условиях². Единоверие за грани-

¹ Поборники старой веры проживали в Буковине еще в первой половине XVIII века, но во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов они покинули эти места (см. подробнее: [1, с. 32–33]).

² Суть единоверия заключалась в том, что старообрядцы, не претендуя на собственную иерархию, принимали священников от Синода, т.е. рукоположенных в греко-российской православной церкви, но богослужение в единоверческих церквях велось по старопечатным книгам, сохранялись древние богослужебные чины и старинные обряды, двоеперстие и старинный уклад жизни. Единоверие было компромиссом между старообрядчеством и греко-российской церковью. Правительство поощряло единоверие и воспринимало его как возможность мирно изжить старообрядчество.

цей – явление уникальное, и кроме с. Климоуцы в Австрии такое же движение за присоединение к православной церкви в тот же временной период происходило среди группы старообрядцев-некрасовцев в Азиатской Турции в с. Майнос [2, с. 7–11]. Эти вопросы, прежде всего российской истории, будут рассмотрены в статье.

Австрийские власти очень благожелательно принимали селившихся в Буковине старообрядцев, получивших название «липоване», снискавших репутацию добропорядочных и трудолюбивых подданных. В 1783 году группа старообрядцев из дельты Дуная, переселившись в Буковину, получила от императора Австрии Иосифа II ряд льгот, вскоре распространенных на всех староверов, проживавших в Австрии, и тех, кто мог бы переселиться туда [1, с. 34–38]. Им были гарантированы право на свободное отправление религиозных обрядов, свобода от сборов и податей на 20 лет, освобождение от воинской повинности.

В 1846 году в мужском монастыре в с. Белая Криница, расположенном в двух верстах от Климоуц, появился прибывший из Константинополя и переведенный в старообрядчество боснийский митрополит Амвросий. С этого момента создается трехчинная иерархия и постепенно формируется белокриницкое согласие [3, 4]. В начале 1847 года новопоставленный белокриницкий священник появился и в Климоуцах. Началось строительство церкви, и большинство недавних беглопоповцев присоединились к белокриницкому согласию, а те, кто не принял Амвросия и новую иерархию, со временем стали часовенными. Появление Белокриницкой митрополии ухудшило положение климоуцких беспоповцев, испытывавших серьезное давление.

В 1869 году правительство Австро-Венгрии ввело всеобщую воинскую повинность и аннулировало воинскую льготу для всех липован, однако нести службу они должны были только в нестроевых армейских частях. Это решение вызвало негодование со стороны старообрядцев всех согласий.

Липоване не были пацифистами, но они имели веские причины для такого категоричного отказа от службы в армии. Буковинские старообрядцы, особенно беспоповцы, традиционно старались не допускать общения своей молодежи со сверстниками других этносов и исповеданий, справедливо полагая, что в армии их молодежь выучит немецкий язык, наберется чужих обычаев и представлений и вынуждена будет нарушать все бытовые правила и запреты.

Кроме того, они не исключали возможности того, что когда-нибудь их заставят воевать со своими соотечественниками, как это делали казаки-некрасовцы Добруджи в войнах Турции с Россией. Буковинские липоване полагали, что «если служить солдатом, то уже, по крайней мере, своим, но не чужим, вместе с которыми, может быть, пришлось бы проливать христианскую кровь» [5, л. 36].

Действия правительства заставили старообрядцев Буковины задуматься о переселении в Россию, и 8 сентября 1869 года на пороге российского консульства в Черновцах появились староста и выборный Белой Криницы. Они сообщили консулу Д.А. Кира-Динжану, только в августе занявшему эту должность, что большая часть буковинских старообрядцев, не уточняя поповцев или беспоповцев, желает переселиться в Россию, и рассказали о причинах. Просители считали себя обиженными австрийским правительством и даже показали Кира-Динжану оригинальную грамоту 1783 года, подписанную самим императором Иосифом II.

Казалось бы, правительство России должно было выразить готовность принять соотечественников, но ни Министерство иностранных дел, ни Министерство внутренних дел не приветствовали эту инициативу. В МИД вспомнили о договоре между Россией и Австрией от 1815 года и дополнительную статью к нему от 1822 года, по которым Россия обязалась выдавать Авст-

рии ее подданных для исполнения ими воинской повинности, так что с австрийскими старообрядцами могли возникнуть проблемы. Правда, срок договора истекал уже в июне 1870 года. В МВД высказались против реэмиграции липован, сославшись на существование целого ряда секретных высочайших повелений (1830, 1834, 1847 годов), запрещающих впускать «заграничных раскольников» в пределы России [5, л. 2–3 об.]. Прежде всего эти повеления были направлены против возвращения в страну скопцов, бежавших от наказания в сопредельные государства, но на всякий случай препятствия для въезда чинили всем. Кроме этих причин для отказа существовала еще одна, не высказанная вслух, но весьма весомая причина – это негативный опыт, полученный российскими чиновниками в ходе длительных (1861–1867 гг.) и безрезультатных переговоров о возвращении в Россию белокрыницких старообрядцев Добруджи (Турция). В отличие от удачных случаев реэмиграции 1811 года и 1829–1830 годов [6, с. 100–103, 125–149], когда у беглопоповцев еще не было своей иерархии, в 1860-е годы белокрыницкие старообрядцы хотели вернуться в Россию вместе со своими епископами и требовали признания независимости Белокрыницкой Церкви от Синода. Еще одним выдвинутым ими условием было освобождение взятого в плен русскими войсками в 1854 году в ходе Русско-турецкой войны архиепископа Славского Аркадия (Дорофеева), заключенного в Суздальский Спасо-Ефимьев монастырь [7, с. 135–144]. Хотя правительство было очень заинтересовано в возвращении соотечественников, поскольку использовать старообрядцев Добруджи в своих целях пытались польская эмиграция, Франция и революционеры-демократы [8, с. 49–70; 9, с. 196–217], оно не согласилось на эти условия, поэтому-то и желание буковинских липован было встречено прохладно.

Однако в феврале 1870 года в консульство в Черновцах явился беспоповец из Климоуц Иван Федоров и заявил, что хочет переселиться в Россию со своей семьей и присоединиться к российской церкви. Он просил консула исходатайствовать ему дозволение и надел земли в Астраханской или западных губерниях.

В конце марта Федоров вновь явился в консульство и на сей раз еще с одним беспоповцем. Как выяснилось, уже 21 семья из Климоуц и две из Белой Криницы (очевидно, из числа не признавших новую иерархию) изъявили желание ехать в Россию. От их имени ходоки подали консулу прошение.

Тот факт, что речь шла о реэмиграции беспоповцев, не имевших иерархии, казалось, облегчал ведение переговоров. К тому же ходоки подтвердили, что хотят отказаться от своих религиозных заблуждений и присоединиться к православной церкви. Иван Федоров, ставший частым гостем в консульстве, объяснил Кира-Динжану причину своего разочарования в беспоповском учении: «Жизнь нашу можно уподобить жизни скотины; из-за сложения двух или трех пальцев при сотворении крестного знамения мы лишаемся и настоящих, и будущих благ; живу я на этом свете как-нибудь, а какой же ответ дам я на Страшном суде? Мои дети не знают своего духовного отца, не знают таинств, и зачем мне будет читать кафизмы какой-нибудь простой мужик вместо священника, Богом поставленного?» [5, л. 11–11об.]. Современников могло удивить внезапно возникшее у части поморцев желание присоединиться к православии, но на самом деле это решение было принято ими не случайно и не вдруг.

После появления в Белой Кринице митр. Амвросия беспоповцы Климоуц в 1847 году отправили в Москву в Преображенскую беспоповскую общину своих делегатов – братьев Мироновых, чтобы они выяснили позицию российских беспоповцев в отношении новой иерархии и возможность оспаривать ее законность. Именно тогда и состоялась встреча поморцев Мироновых с федосеевцем иноком Павлом (Ледневым), который в будущем сыграл большую роль в судьбе поморской общины села, а тогда он сделал для них выборку из помор-

ского догматико-полемического сочинения «Щит веры», чтобы они могли оспаривать доводы белокриницких начетчиков [10].

Через несколько лет, в 1851 году, инок Павел, в то время уже проживавший в Войновском беспоповском монастыре в Пруссии, впервые приехал в Климоуцы. Его встретили как старинного знакомого, опытного в делах веры человека. Павел создал на окраине села маленький монастырь, вник в религиозную жизнь поморцев, принадлежавших к толку, который считал возможным венчать браки у беглых попов [11, с. 121–122], и убедил часть поморцев отказаться не только от венчания, но и от брачной жизни вообще.

Павел, позже получивший прозвание Прусский, прожил в Климоуцах весь 1851 год и часть 1852 года, а потом простился с жителями села почти на 20 лет, хотя следил за их религиозной жизнью. Об этом свидетельствует тот факт, что через пять лет после первого посещения села, изменив свое мнение по вопросу брачной жизни, Павел послал в Климоуцы своего сподвижника и друга, который смог убедить теперь уже ярых противников брака, что это не прелесть дьявола и блуд, а Божье благословение [12, с. 32–38].

Жизнь самого Павла Прусского проходила в Войновском монастыре в духовных исканиях, пока он не пришел к мысли, что именно греко-российская церковь, против которой он всегда выступал, и есть преемница исконного неповрежденного православия. Возможно, некоторым стимулом для раздумий на эту тему и дальнейших действий послужило присоединение к православию на правах единоверия в 1865 году группы известных старообрядцев белокриницкого согласия, в том числе наместника Белокриницкого митрополита еп. Онуфрия (Парусова) и еп. Пафнутия (Овчинникова). В начале 1867 года Павел покинул монастырь, уехал в Москву и в 1868 году в Никольском единоверческом монастыре его присоединили к греко-российской церкви на правах единоверия.

После присоединения Павел начал активную миссионерскую деятельность. Теперь он ездил по старообрядческим общинам и с такой же страстью, как ранее отстаивал беспоповство, доказывал, что греко-российская церковь и есть та самая, которую «врата ада не одолеют».

Если Павел и раньше чувствовал свою ответственность за климоуцких поморцев, то теперь, когда он занялся миссионерством, он не мог пройти мимо людей, чьи, по его мнению, заблуждения, когда-то поощрял.

Вскоре после того как Павел присоединился к православной церкви, к нему в Никольский единоверческий монастырь из Климоуц дважды приезжал беспоповец инок Петр Яковлев, которого Павел называл своим бывшим учеником. С Петром проводили беседы, показывали святыни Москвы, и, отправляя домой, снабдили книгами «особенно важными для старообрядцев»: «Выписки из старописьменных, старопечатных и других книг» (1-е изд. 1862 г.) А.И. Озерского и «Истинно древняя и истинно православная Христова церковь, изложение в отношении к глаголемому старообрядству» митр. Григория, в которых собраны выписки из старинных фолиантов, особенно уважаемых старообрядцами, доказывавших, по мнению единоверцев, истинность греко-российской церкви. Вооруженный новыми знаниями и книгами, Петр стал проводником единоверия в Климоуцах. Наконец, во время третьего приезда в Москву в конце 1869 года инок Петр присоединился к православной церкви. Весной 1870 года он вернулся в Климоуцы окончательно готовым к миссионерской деятельности и очарованным Россией, о которой много рассказывал [12, с. 39–40].

То чувство неудовлетворенности своей религиозной жизнью без священства, о котором Иван Федоров говорил Кира-Динжану, было присуще и другим климоуцким беспоповцам, и оно обострялось по мере работы, проводимой среди них Петром Яковлевым. Поморцы, не-

смотря на желание иметь священника, категорически отказывались присоединиться к белокрыницкому согласию, считая, что их иерархи и священники не назначены свыше и ведут «омерзительную, бессогласную» жизнь. Это мнение, видимо, особенно упрочилось после появления в 1862 году «Окружного послания», расколовшего белокрыницкое согласие и вызвавшего невиданные в старообрядческом мире споры и склоки. Поморцы продумывали вопрос о возможном присоединении к униатской «руснацкой», или православной «волохской» церкви³, но решили: «стыдно нам русским унижаться пред такими презрительными народами, точно мы уже такие безродные», да и попы там бритые и говорят непонятно [5, л. 11 об.].

В то время в Климоуцах проживало 260 семейств – это 1400 человек, из которых половина принадлежала к поповцам, а половина к беспоповцам (поморцам и часовенным) [13, д. 1054, л. 13], то есть речь шла о присоединении и переселении приблизительно 100 (21 семья) поморцев и 10, скорее всего, часовенных из Белой Криницы. Старообрядцы были готовы отправить в «русское царство» двух человек, но просили оплатить им дорогу.

Кира-Динжан сразу поддержал Ивана Федорова и его группу. Он собрал о старообрядцах сведения из разных местных источников и передавал о них в МИД самые лестные отзывы: народ «смирный, трудолюбивый и ведет честно свои транзакции с местными жителями и покорны правительству» [5, л. 10 об.].

В разговоре с консулом поморцы, заявив об отрицании «заблуждения своей секты», неосторожно добавили и об отрицании скопческой секты, видимо, чтобы сразу отвести возможные подозрения российских властей. Это заявление попало в донесение Кира-Динжана и очень обеспокоило Святейший синод. Консул собрал сведения об отсутствии скопцов в Буковине, и Синод лишился важного аргумента для отказа. Тогда обер-прокурор гр. А.П. Толстой высказал подозрение, что буковинскими липованами движет не убежденность в истинности православия, а «надежда иметь в России лучшие условия жизни» [5, л. 7, 14 об.].

Кира-Динжан доказывал, что они хотят быть православными от сознания необходимости священства, чтобы быть причастными к таинствам веры, и даже если они и хотят найти в России лучшие условия жизни, то это не отрицает их желания отречься от своих предрассудков и не может служить препятствием к достижению главной цели. Переселившиеся в Россию немцы, чехи, болгары руководствовались исключительно стремлением улучшить свой материальный быт, и им дали землю и льготы. «Тем более беспоповцы, о которых выше идет речь, имеют на все показанные преимущества права, как чисто русские по происхождению, которые чтобы искупить ошибки не свои собственные, а отцов своих, ставят сами первым и главным условием присоединиться к российской церкви» [5, 18 об.–19]. В переписке министерств между собой и черновицкого консула с МИД прошел год, а Петр Яковлев тем временем продолжал миссионерскую работу [14, S.49].

У буковинских старообрядцев было время обдумать и сформулировать, что же они хотят получить от переселения в Россию. 4 января 1871 года они подали прошение в консульство, в котором изложили свои условия из семи пунктов: 1) «дать покорно нашему христианскому роду земли по 25 десятин на душу, а если милость ваша будет, то дайте нам и более»; 2) оплатить проезд до места назначения; 3) дать дерево на постройку, рабочий скот и семена; 4) дать беспроцентную ссуду на обзаведение; 5) дать льготы на 30 лет, а «когда ваша милость окажет над нами милосердие, то прибавьте нам и больше», на 80 лет освободить их детей от рекрутчины и военного постоя; 6) дать денег на проезд трех человек в Россию и осмотр мест для поселения; 7) чтобы по-

³ Руснаками в Буковине называли украинцев, волохи – жители Валахии, Молдавии (речь идет о греко-восточной румынской церкви).

лученная земля «считалась как наша собственность», чтобы ее можно было передавать по наследству [5, л. 27–28]. Их просьба о 80-летнем освобождении от рекрутчины тоже связана прежде всего с желанием оградить молодежь от мирского тлетворного влияния, но, кроме этого, как всем крестьянам, им было важно сохранить в хозяйствах рабочие руки.

В отличие от добруджинских старообрядцев, о которых упоминалось выше, буковинские не выдвигали каких-то политических требований, хотя их условия были явно завышенными. Кира-Динжан указал им на это. Они простодушно ответили: «Мы просим много для того, чтобы было, откуда опускать, но будем благодарны и за то, чем нас помилуют, лишь бы устроиться нам в России» [5, л.33 об.]. Это была нормальная крестьянская логика: если уж переселяться, то получить максимум выгод, ведь каждый крестьянин мечтал иметь побольше земли, и чтобы дети его без нее не остались, и внукам хватило. А Синод требовал всё новых доказательств искренности просителей.

Обида, нанесенная всем липованам австрийским правительством, продолжала звучать в разговорах поморцев с консулом, прибавляя немного политического веса их обращениям. В их словах иногда слышна сильно завышенная самооценка, свойственная всем подобным группам, оказавшимся в иноэтничном и иноконфессиональном окружении. Так, они считали местное население – руснаков и волохов – «презрительными народами» (см. выше), и им казалось оскорбительным уже одно то, что их сравнили с «туземцами» и решили так же брать в солдаты их детей [5, л. 35 об.]. Такая особенность их самосознания позволяла им сохранять групповую этноконфессиональную идентичность. И это было с нескрываемым удовлетворением отмечено Кира-Динжаном: «Несмотря на то, что большая часть из них никогда не видела России, в особенности Москву, они, однако ж, сохранили великорусскую народность во всех ее проявлениях едва ли не лучше обитателей Московской губернии. Несмотря на вековое их пребывание в Буковине, они смотрят на себя тут, как на гостей <...>» [13, д. 1056, л. 44 об.].

Перед переселением этой группе поморцев надо было присоединиться к православной церкви, но никто не знал, как и где это сделать. В конце 1870 года они обратились к Павлу Прусскому с просьбой приехать и присоединить их [15, с. 80]. В марте 1871 года он приехал в Черновцы. В Климоуцах Павла очень ждали, рассчитывая, что он сам совершит чин присоединения и на Пасху недавние поморцы уже смогут причаститься. По соборным правилам о присоединении надо было просить епископа Черновицкого Евгения, но тот надолго уехал в Вену. Павел посетил нескольких чиновников от церкви, которые без всякого энтузиазма отнеслись к желанию группы старообрядцев, поскольку его реализация влекла одни проблемы и обещала сомнительные выгоды. Выяснилось, что эти липоване хотели иметь священника только из своей среды, который бы вел службу по старопечатным книгам и говорил на их, а не малороссийском языке. Руководителям православной церкви Австрии, никогда не сталкивавшимся с таким вопросом, были непонятны требования старообрядцев. Кроме того, оказалось, что по австрийским законам священником мог стать человек, прошедший курс в специальных учебных заведениях, а среди поморцев такового не было и не предвиделось. Между тем пришел ответ из Вены от еп. Евгения, который считал, что в этом деле необходимо заручиться одобрением правительства Австрии [12, с. 41–44, 51, 62].

Кира-Динжан, очень заинтересованный в успехе переселения, и не только из карьерных соображений, но и в силу своих патриотических настроений, решил попытаться использовать авторитет Павла Прусского, чтобы донести до своего начальства в МИД значимость этого дела. Хотя для диппочты существовали официальные каналы, Кира-Динжан после встречи с Павлом в Черновцах попросил его отвезти и передать письмо директору Азиатского департа-

мента П.Н. Стремоухову и, конечно, рассказать о важности присоединения части климоуцких беспоповцев к православной церкви и переселения их в Россию [15, с. 101]. С просьбой лично встретиться и поговорить со Стремоуховым об австрийских старообрядцах черновицкий консул обращался к о. Павлу еще раз. После второй встречи с высокопоставленным чиновником МИД Павел сообщал близкому знакомому и соратнику по миссионерской деятельности историку Н.И. Субботину о сочувствии Стремоухова делу переселения [15, с. 101].

Приезд Павла в Климоуцы ободрил его сторонников и, по словам Кира-Динжана, «беспоповцы-неофиты» в диспутах с остальными беспоповцами были убедительнее, и к ним примыкали даже всё новые поповцы. Явившиеся в Вену к российскому посланнику в конце марта 1871 года Иван Федоров и Леонтий Нестеров говорили уже о 70 дворах, готовых ехать в Россию и перейти в православие, и о согласии всех «на все, что государю императору угодно будет им пожаловать» [5, л. 50].

Затягивание дела и неопределенность, в которой находились люди, угнетала и раздражала их. Зная настроения своей группы, ходоки предупреждали посланника, что «долгий ход» порождает в людях «сомнение в правильности избранного ими пути». От имени доверителей они то заявляли, что уйдут в Турцию, если Россия их не примет, то собирались за свой счет ехать в Петербург жаловаться царю [5, л. 52–52 об., 64].

3 июня 1871 года обер-прокурор Синода в письме в Министерство внутренних дел наконец-то признал, что «между раскольниками этими заметно обдуманное движение в пользу православия, вызванное нестроениями в среде раскола и пробудившимся сознанием правоты православной церкви», и он не против их переселения в Россию [5, л. 61–61 об.]. Чтобы прийти к такому выводу, чиновникам Синода потребовалось полтора года. Скорее всего, это понимание появилось не без помощи Павла Прусского.

Получив от Синода положительный ответ, Министерство внутренних дел наконец-то поставило перед Министерством государственных имуществ вопрос о выделении земли буковинским переселенцам, и тут оказалось, что ни в Бессарабии, ни в Западном крае земли нет. Можно было бы поселить их в Самарской, Оренбургской губерниях, но останавливал далекий путь и большое число раскольников в тех местах, которые могли помешать сближению климоуцких переселенцев с православной церковью. В южных губерниях земли не хватало даже для местных жителей.

Между тем поморцы, видимо, поняв, как понравиться российским чиновникам, стали правильно расставлять акценты в своих прошениях, упирая на сильное желание присоединиться к греко-русской церкви, «откровенное расположение» только к России, обещание быть верными слугами царя и России. Одно из прошений так и было подписано: «Ныне находящиеся сыны православной церкви, желающие немедленно переселиться в Российские земли» [5, л. 87–87 об., 88 об., 82]. Выдвигаемые ими экономические условия стали более реалистичными.

В январе 1872 года И. Федоров и Н. Васильев все-таки отправились в Петербург. В это же время там оказался Павел Прусский и туда же по делам, скорее всего не случайно, приехал Кира-Динжан. Ходоков принимали «тепло и любезно»: в Петербурге – митрополит Петербургский и Новгородский Исидор, в Киеве – митрополит Киевский Арсений, в Москве – викарий московский Леонид, а также известный писатель и славянофил Иван Аксаков – активный член Славянского благотворительного общества и секретарь этого общества Нил Попов, и другие лица, которые показали ходокам древности и святости Москвы и дали на дорогу денег, «хвалили за начатое дело, целовали и даже плакали от удовольствия, что блуждавшие собратия возвращаются наконец к своему родному», – так не без иронии передавал потом рассказ ходоков Кира-Динжан [5, л. 101 об.].

В Москве Федоров и Васильев жили в Никольском единоверческом монастыре, где их присоединили к православной церкви на правах единоверия и приобщили святых тайн. Все увиденное и услышанное произвело на них глубочайшее впечатление.

Во время визита буковинцев к митр. Исидору на аудиенцию пришел и Кира-Динжан. Ходоки рассказали митрополиту о своих проблемах с присоединением к церкви и назначением священника. Исидор очень положительно отозвался о благочестии и рвении еп. Буковинского Евгения, что и было последнему дипломатично передано вернувшимся в Черновцы Кира-Динжаном. Евгений, польщенный отзывом Исидора, посетовал на порядки Австрии и предложил такой вариант: российские духовные власти поставят старообрядцам священника по их желанию, а он, Евгений, примет его в Буковине, и этот священник будет подчиняться его кафедре [5, л. 99–101]. Это был хороший выход из положения, тем более что в Климоуцах уже был человек, готовый к такой деятельности – Петр Яковлев, но этот вариант не был реализован.

Федоров и Васильев вернулись из поездки воодушевленные и с удовольствием рассказывали собратьям о своих впечатлениях. Кира-Динжан не преминул донести в МИД, что увиденное «великолепие церквей, городов русских и проч. поразили наших путешественников и возбудили в них, как я заметил, беспредельную любовь и преданность к России, церкви и правительству» [5, л. 102]. Те же чувства, по словам консула, возникали и у их слушателей. Правда, земли они не осмотрели. Видимо, власти еще не знали, что можно им предложить.

Иван Федоров после этой поездки вдруг обрел дар красноречия и начал убеждать колеблющихся, развенчивать их заблуждения «с такую природною строгою логикою, что даже враги нашей церкви и правительства из среды старообрядцев противиться не могут, а махнув рукою, выходят из собрания, чтобы через час опять явиться туда и послушать антихриста», – отмечал черновицкий консул, который был очень высокого мнения о Федорове [5, л. 102 об.].

Последний настолько вошел в роль трибуна и лидера, что задумал создать в России из старообрядцев образцовую колонию, а для этого вначале переселить самых «честных и искренних», а потом остальных, которые будут вынуждены подчиняться уже установленным первыми переселенцами правилам [5, л. 103]. Кира-Динжану понравилась эта мысль, и через несколько месяцев, обдумав ее, он писал в донесении в Азиатский департамент: «<...> следует устроить из них цельную и образцовую во всех отношениях колонию, которая бы могла служить хорошим примером как для имеющих остаться тут старообрядцев, так и для проживающих в Турции и Румынии, а может быть и для находящихся в самой России, и сделалась, так сказать, предметом зависти для фанатиков, а не насмешек и упреков их» [5, л. 123 об.]. Консул призывал «заняться серьезно» этим переселением, даже создать комиссию по содействию ему и обязательно с участием игумена Никольского единоверческого монастыря Павла Прусского, которому эти старообрядцы очень доверяют, и чтобы все: члены причта (видимо, будущей церкви в их поселении), учителя и чиновники были нравственные люди и обходились с переселенцами «предусмотрительно и человеколюбиво». Результатом, по мнению Кира-Динжана, должно было стать ослабление авторитета Белокриницкой митрополии, которая мешает возвращению старообрядцев в Россию [5, л. 124–125]. Эта идея оказалась хорошим мотиватором, который немного ускорил работу неповоротливой бюрократической машины.

Министерство иностранных дел сразу же и очень позитивно восприняло высказанную консулом мысль, поскольку заграничная митрополия с момента своего появления доставляла российскому правительству много беспокойства и все заграничные проблемы ложились на министерство и его дипломатов на местах. МИД в официальной переписке заявил о своей особенной заинтересованности в переселении, отметив, что «благополучное окончание поднятого вопроса

составляет для нас настоятельную необходимость <...> успешное окончание его может повлечь за собою уничтожение такого значительного раскольничьего центра, как Белая Криница», а кроме того, «благополучное окончание» – это еще и избавление старообрядцев «от притеснений австрийского правительства» [5, л. 145–145 об.]. В такой трактовке возвращение пусть и небольшой группы соотечественников на родину приобретало уже совсем другое звучание.

Старообрядцы опасались, что австрийское правительство может помешать осуществлению их планов. Кира-Динжан сообщил об этих опасениях в Азиатский департамент, а тот в свою очередь просил министра внутренних дел не давать пока широкую огласку происходившему [5, л. 108]. И судя по всему, черновицкие власти если и прознали что-то, то не придали этому значения. Во всяком случае, в донесениях Кира-Динжана нет ничего о реакции австрийской стороны. Переселенческое движение не нашло отражения и в работах австрийских исследователей – современников событий.

В 1872 году на юг России, в Херсонский уезд, неоднократно приезжали буковинские ходоки, осматривали участки, но они не подходили по размеру, и во многих местах ощущался недостаток воды, да и вообще Херсонский уезд не мог тягаться с Буковиной своими природными красотами. Наконец, нашли более-менее подходящий. Иван Федоров на пять месяцев обосновался в Петербурге, чтобы отстаивать интересы своих доверителей в Министерстве госимуществ, которое первоначально хотело дать переселенцам по 5,5 дес. на душу мужского пола, потом увеличило размер до 7 дес., но Иван Федоров настаивал на 8 дес. Поскольку Министерство иностранных дел придавало переселению такое важное «политическое и религиозное значение», Министерство госимуществ согласилось увеличить надел до 8 дес. Еще старообрядцы просили выделить 100 дес. на церковный причт и столько же на вдов и сирот. С первым предложением министерство сразу же согласилось, а вот второе было отвергнуто, так как этим должны были потом заниматься сами переселенцы. По вопросу о воинской льготе тоже оказалось непросто договориться с Военным министерством. Ходоки настаивали на пожизненном освобождении от рекрутчины всех наличных на момент въезда переселенцев мужского пола и предупреждали, что опасение в скором времени после переселения подпасть под воинскую повинность «может отклонить их от задуманного переселения». Военное министерство первоначально соглашалось на такой вариант, но этот вопрос решался сугубо внутри ведомства, и, похоже, в МИД не знали результата. В ходе согласования цифры несколько раз менялись, пока наконец Комитет министров не утвердил окончательную редакцию, подписанную императором 11 мая 1873 года.

Договорились об освобождении от пошлин на провозимые предметы хозяйства и домашнюю утварь; о выдаче по 100 руб. пособия на семейство по водворении и по 100 руб. беспроцентной ссуды; о выделении на мужскую душу по 8 дес. земли, предусмотрев срок на заселение в три года и последующую выдачу владенной записи на землю; об освобождении от податей на шесть лет и освобождение от рекрутства, но всего лишь на шесть лет, то есть льготы получали только те лица, которым при въезде в страну будет 16 и более лет⁴. Все, кому менее 16 лет, должны будут служить на общих основаниях. В журнале заседания Комитета министров от 15 мая 1873 года был пункт о том, что к переселению допускаются лишь православные и единоверцы [5, л. 220–221, 237–238 об.].

Решение было отправлено черновицкому консулу, и от липован требовался окончательный список переселенцев. Однако оказалось, что еще весной народ разъехался на заработки до осени, а когда все собрались, то тут выяснилось, что желающих только 12 семей (48 человек), а не 23.

⁴ Нижняя планка призывного возраста в России была 21 год, т.е. эти шесть льготных лет пройдут от момента въезда в страну 16-летних парней до исполнения им 21 года.

Кроме того, только двое из списка – Федоров и Васильев – во время поездки в Москву присоединились к православной церкви, а остальные оставались не присоединенными. Во исправление этого пункта решили сначала переселить на территорию России, потом присоединить мигрантов к православию на правах единоверия и только после этого водворять на отведенные земли [5, л. 258 об.–259]. Кира-Динжан в своих донесениях обошел молчанием вопрос об отношении липован к полученным льготам. Видимо, какой-то позитивной реакции не последовало.

Осенью 1873 года на отведенный участок прибыли только шесть глав семей, но через год в наличии были только трое. За три года из Буковины прибыло 16 человек. Им отвели землю, дали ссуду, а остальную землю перевели в оброчные статьи и стали сдавать в аренду. Срок поселения истек в августе 1876 года, и когда в октябре начали составлять владенные записи, то оказалось, что имеют оседлость и занимаются хлебопашеством только Иван Федоров и Иван Яковлев, а остальные вернулись в Буковину [5, л. 332–332 об.].

Так завершилась эпопея с переселением буковинских старообрядцев в Россию, но другая история – с переходом в православие – на этом не закончилась.

Часть поморцев, отказавшись от попытки обосноваться в России, не отказалась от желания получить священника от ортодоксальной церкви, будь то российская или румынская. Последующие события в Климоуцах достаточно подробно описаны современником, австрийским автором И. Полеком. В 1877 году десять семей опять обратились в Черновицкую епархию с просьбой о присоединении к православной церкви, но по-прежнему настаивали на рукоположении священника из их среды. Временно поставленный к ним священник из Костиши Георгу фон Ройс-Мирце должен был укрепить «их веру в учение греческой восточной церкви, стараясь при этом не оказывать давление в несущественных вопросах, касавшихся их нравов и обычаев» [14, S. 49]. Эти бывшие беспоповцы стали называть себя «ортодоксами». Черновицкая консистория не спешила окончательно решать их вопрос.

Ортодоксы хотели видеть в роли священника инока Петра Яковлева. Он уже был присоединен к греко-российской церкви и на территории Австрии подчинялся Черновицкой православной консистории. В октябре 1878 года его определили в монастырь в Драгомирну, а вскоре рукоположили в иеромонахи, и он получил право священнодействовать. В марте 1879 года молельный дом этой части поморцев был переделан их усилиями в часовню и освящен. Консистория поставила Петра Яковлева «исполнять в нем религиозные обязанности, но под постоянным присмотром и руководством священника из Костиши» [14, S. 49–50].

Петр Яковлев сумел поставить богослужебную практику в соответствии со всеми правилами единоверия и, как писал Полек, «приспособил к потребностям липован принципы греческой восточной церкви, допуская незначительные отступления от Типикона и ритуала при строгом соблюдении фундаментальных положений. Ему, липованину по крови, это давалось легко» [14, S. 50].

В 1894 году о. Петр умер, и консистория оказалась в затруднении. Она попыталась приписать ортодоксов к церкви с. Байнцы, которое расположено недалеко от Климоуц, или поставить им своего православного священника, но ортодоксы наотрез отказались и от того, и от другого. Они требовали поставить им Семена Федотова, «который пользовался у них полным доверием и которого священник из Костиши характеризовал как моральный образец для всех членов климоуцкой общины греческой восточной церкви» [14, S. 51]. В случае отказа ортодоксы угрожали далеко идущими последствиями. Консистории пришлось согласиться, но окончательное решение было за правительством Австрии.

Надо отметить, что австрийские чиновники, как и российские, не отличались быстротой в принятии решений. Чтобы не растерять новообращенных, окормлением их общины занима-

лись наезжавшие буковинские православные священники. Только в 1898 году Министерство культов и образования дало согласие на поставление в священники Семена Федотова и назначило ему жалование в 500 флоринов, но он был поставлен вторым священником, а первым, имевшим больше полномочий, оставался священник из Костиши [14, S. 51].

По рассказам современных жителей Климоуц, ортодоксы ездили в Россию «в побор», чтобы собрать деньги на единоверческую церковь, привозили оттуда иконы, утварь. Приехавший в 1902 году в Белую Криницу и посетивший Климоуцы гость из России утверждал, что единоверческая Никольская церковь в селе построена на деньги Синода и частные пожертвования [16, с. 13].

В октябре 1924 года румынская православная церковь перешла на новоюлианский календарь, отличающийся от юлианского и григорианского. Единоверцы, как входящие в Черновицкую епархию, были вынуждены подчиниться этому решению, в то время как белокриницкие и беспоповцы остались при юлианском календаре. На то время единоверческий приход состоял приблизительно из 40 семей. В памяти современных жителей села эта история стала нарративом о жадном священнике, который ради денег и обещанной прибавки земли «подписал» свою церковь румынам. Его мучили угрызения совести, и люди видели его горько плачущим около церкви, а на смертном одре он каялся и восклицал: «Что я наделал!»» (Полевые материалы автора. Румыния, с. Климоуцы. 2017 г. А.А.Г. 1944 г.р.). Репутация единоверцев, которых односельчане и так считали предателями, после перехода на новый календарь упала еще ниже.

Последним священником из липован в единоверческой церкви был Иосиф Агап, а после него служить обедню по праздникам приходили священники из Байниц. Приход становился все меньше за счет того, что в случаях брака с белокриницкими единоверцами переходили к ним, и постепенно «вера потерялась, и церковь осталась порожняя» (Полевые материалы автора. Румыния, с. Климоуцы. 2017 г. И.Я.М. 1936 г.р.). Жители Климоуц пытались ходатайствовать о передаче им Никольской церкви, но получили отказ. Последний единоверец Климоуц Ларион читал часы в пустой Никольской церкви до самой своей смерти в 2000 году. Хоронил его румынский поп.

Грех, если церковь – Божий дом – стоит пустым и в нем не звучит молитва, считают липоване. И после смерти Лариона один из жителей села, у которого в роду были единоверцы, продолжил по праздникам читать в церкви часы и поминать Павла Прусского и создателей храма (Полевые материалы автора. Румыния, с. Климоуцы. 2017 г. В.А.Г. 1933 г.р.). Вот уже более 10 лет сын этого человека, хорошо зарабатывающий в Италии, приезжает на Николу зимнего (6/19 дек.), в честь которого освящена церковь, и делает за свой счет «храм» – застолье для всех желающих прийти на праздник свт. Николая Чудотворца. Последние годы жители села, которых осталось мало – молодежь и люди среднего возраста выехали на заработки, тоже стали приносить от себя угощение на общий стол, и «храм» единоверческой церкви неожиданно стал общим праздником Климоуц.

Единоверие оказалось инородным вкраплением в старообрядческую среду Буковины. Малая численность прихода и подчинение Румынской православной церкви предопределили его недолгую жизнь. Первоначально движение за переход в единоверие не было обусловлено желанием поморцев переселиться в Россию. По нашему мнению, оно было вызвано сложными отношениями внутри старообрядческого сообщества Климоуц и деятельностью Павла Прусского. Но очень быстро это движение стало рассматриваться как залог успешной реэмиграции, поскольку устраняло конфликт между Российским государством и старообрядцами и давало последним полное право рассчитывать на самое благожелательное отношение российского правительства.

Несмотря на искреннее желание присоединиться к православной церкви и вернуться на историческую Родину, несмотря на заинтересованность в их судьбе черновицкого консула, а потом и Министерства иностранных дел, участие в деле известного миссионера Павла Прусского, реэмиграция, по сути, не состоялась. Одна причина этого видится в затягивании решения вопроса российскими чиновниками. История с реэмиграцией климоуцких липован является показателем неспособности государственного аппарата России, несмотря на проведенные в стране реформы 1860-х годов, оперативно решать подобные вопросы. За более чем три года напряженного ожидания люди просто «перегорели», и именно этого опасались Федоров и Кира-Динжан. Вторая причина неудачи заключается в том, что условия переселения и обустройства в России, предложенные российским правительством, особенно касавшиеся воинской повинности, оказались намного ниже ожиданий липован. Восьми десятин земли на душу оказалось недостаточно, чтобы снять вопрос о целесообразности переселения, естественно, вставший перед каждым переселенцем. И первое, и второе не могли не вызвать у поморцев сомнения в заинтересованности российских властей в их возвращении и последующем выполнении обещаний.

Список литературы

1. Сайко М.Н. Возникновение старообрядческих поселений на Буковине (70–80-е годы XVIII–XIX вв.) // Старообрядчество: история, традиции, современность. – М.: Мир Отечества, 1994. – № 1. – С. 31–50.
2. Майоров Р.А. Из истории зарубежного единоверия. Единоверцы селения Майнос // Правда Православия. Ежемесячное издание единоверческой общины храма архангела Михаила. – 2006. – № 3 (40). – С. 7–11.
3. Субботин Н.И. История Белокриницкой иерархии. – М.: Тип. Рис., 1874. – Т. 1. – 516 с.
4. Субботин Н.И. Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой австрийской, или белокриницкой иерархии. – М.: Тип. Рис., 1874. – 512 с.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218. 1869 г. Д. 51.
6. Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае. – Одесса; Измаил; Москва: «СМИЛ». – Археодоксия, 2010. – 527 с.
7. Иникова С.А. Реэмиграционное движение старообрядцев Добруджи в 1860-е гг.: между религией и политикой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2 (46). – С. 135–144.
8. Иникова С.А. Старообрядцы Добруджи глазами российского дипломата Алексея Кудрявцева // Три века российской этнографии. Вып. 2 / отв. ред. М.М. Керимова, А.А. Сирина. – М.: Наука – Вост. лит., 2020. – С. 49–70.
9. Чашина Л.Ф. Русская революционно-демократическая эмиграция и старообрядчество Юго-Восточной Европы // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). – Кишинев, 1980. – С. 196–217.
10. Павел (Леднев) Прусский. Воспоминание об Антонии Шутове [Электронный ресурс] // Полное собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря настоятеля архимандрита Павла. – М.: Братство св. Петра митр., 1899. – Т. 3. – С. 457–488. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Prusskij/sobranie-sochinenij-nikolskogo-edinovercheskogo-monastyrja-nastojatelja-arhimandrita-pavla-chast-3/30 (дата обращения 19 декабря 2021).
11. Нильский Н. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. – СПб.: Тип. Деп. уделов, 1869. – 256 с.

12. Павел Прусский. Описание вторичного моего путешествия к литовским старообрядцам и за границу в 1871 году. – М.: Университетская типография, 1871. – 71 с.
13. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161/1. V-A2. Оп. 181/2. Д. 1054; д. 1056.
14. Polek J. Lippowaner in der Bukowina. II: Religion und Kirchenwesen. – Czernowitz, 1898.
15. Субботин Н.И. Первые двенадцать лет служения церкви борьбою с расколом (переписка с архим. Павлом за 1867–1879 гг.). – М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1901. – 297 с.
16. Поездка в Белую Криницу и г. Триест в ноябре 1902 года. Б/м, б/г.

References

1. Saiko M. N. Vozniknovenie staroobriadcheskikh poselenii na Bukovine (70-e–80-e gody XVIII v.–XIX v.) [The emergence of Old Believer settlements in Bukovina (70s–80s of the XVIII century–XIX century)]. *Staroobriadchestvo: Istorii, Traditsii, Sovremennost'*. Moscow, Mir Otechestva, 1994, no. 1, pp.31–50.
2. Maiorov R.A. Iz istorii zarubezhnogo edinoveriia. Edinovertsy seleniia Mainos [From the history of foreign co-belief. The co-religionists of the village of Mainos]. *Pravda Pravoslaviia. Ezhemesiachnoe Izdanie Edinovercheskoi Obshchiny Khrama Arkhangel'a Mikhaila*, 2006, no. 3 (40), pp. 7–11.
3. Subbotin N.I. Istorii Belokrinitskoi ierarkhii [The history of the Belokrinitsa hierarchy]. Moscow, tipografiia Ris., 1874, vol. 1, 516 p.
4. Subbotin N.I. Proiskhozhdenie nyne sushchestvuiushchei u staroobriadtsev tak nazyvaemoi avstriiskoi, ili belokrinitskoi ierarkhii [The origin of the so-called Austrian or Belokrinitsky Hierarchy now existing among the Old Believers]. Moscow, tipografiia Ris., 1874, 512 p.
5. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv*, 1869, f. 1284, op. 218, d. 51.
6. Prigarin A.A. Russkie staroobriadtsy na Dunae [Russian Old Believers on the Danube]. Odessa, Izmail, Moscow, «SMIL» – Arkheodoksiia, 2010, 527 p.
7. Inikova S.A. Reemigratsionnoe dvizhenie staroobriadtsev Dobrudzhi v 1860-e gg.: mezhdru religiei i politiki [The Re-emigration movement of the Old Believers of Dobrudja in the 1860s: between religion and politics]. *Izvestiia Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2018, no. 2 (46), pp. 135–144.
8. Inikova S. A. Staroobriadtsy Dobrudzhi glazami rossiiskogo diplomata Alekseia Kudryavtseva [The Old Believers of Dobrudja through the eyes of Russian diplomat Alexei Kudryavtsev]. *Tri Veka Rossiiskoi Etnografii*. Eds. M.M. Kerimova, A. A. Sirina. Moscow, Nauka-Vostochnaia Literatura, 2020, iss. 2, pp. 49–70.
9. Chashchina L.F. Russkaia revoliutsionno-demokraticheskaia emigratsiia i staroobriadchestvo lugo-Vostochnoi Evropy [Russian Revolutionary-democratic emigration and the Old Believers of Southeastern Europe]. *Sotsial'no-ekonomicheskaja i politicheskaja istoriia lugo-Vostochnoi Evropy (do serediny XIX v.)*. Kishinev, 1980, pp. 196–217.
10. Pavel (Lednev) Prusskii. Vospominanie ob Antonii Shutove [The Memory of Antony Shutov]. *Polnoe sobranie sochinenii Nikol'skogo edinovercheskogo monastyria nastoiatelja arhimandrita Pavla*. Moscow, Bratstvo sviatogo Petra mitropolita, 1899, vol. 3, pp. 457–488, available at: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Prusskij/sobranie-sochinenij-nikolskogo-edinovercheskogo-monastyria-nastoiatelja-arhimandrita-pavla-chast-3/30 (accessed 19.12.21).
11. Nil'skii N. Semeinaia zhizn' v russkom raskole. Istoricheskii ocherk raskol'nicheskogo ucheniia o brake [Family life in the Russian schism. A historical sketch of the schismatic doctrine of marriage]. Saint Petersburg, Tipografiia Departamenta udelov, 1869, 256 p.
12. Pavel Prusskii. Opisanie vtorichnogo moego putesthestviia k litovskim staroobriadtsam i za granitsu v 1871 godu [Description of my second trip to the Lithuanian Old Believers and abroad in 1871]. Moscow, Universitetskaia tipografiia, 1871, 71 p.
13. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii*, f. 161/1, v-a2, op. 181/2, d. 1054; d. 1056.
14. Polek J. Lippowaner in der Bukowina. II: Religion und Kirchenwesen. Czernowitz, 1898.
15. Subbotin N.I. Pervye dvenadtsat' let sluzheniia tserkvi bor'boiu s raskolom (perepiska s arhimandritom Pavlom za 1867–1879 gg.) [The first twelve years of service to the church in the struggle against schism (correspondence with Archimandrite Pavldom for 1867–1879)]. Moscow, Tipografiia G. Lissnera i A. Geshelia, 1901, 297 p.
16. Pоеzdka v Beluiu Krinitsu i g. Triest v noiabre 1902 goda [Trip to Belaya Krinitsa and Trieste in November 1902]. Bez mesta, bez goda.